

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
Ш19

Шамбаров, Валерий Евгеньевич.

Ш19 Святая Русь против варварской Европы / Валерий Шамбаров. — Москва : Родина, 2022. — 560 с.

ISBN 978-5-00180-688-2

После Смуты с Россией перестали считаться, признавали ее слабой, разоренной, отсталой. Но при царе Алексее Михайловиче она вдруг перешла в контрнаступление на запад. Разгромила Польшу, освободив Украину. Била и шведов, турок, китайцев. Продвинулась на юг до Азовского моря, присоединила обширные пространства до Тихого океана и Амура, поражала иноземцев своими богатствами, расцвела очагом великолепной национальной культуры. Об этой удивительной эпохе рассказывает книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова «Святая Русь против варварской Европы».

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-00180-688-2

© Шамбаров В.Е., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

ОТ АВТОРА

Помните, как начинаются сказки? В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь... Впрочем, нужно ли говорить о некоторых? В истории были времена, которые нам, из сегодняшнего дня, и впрямь могли бы показаться сказочными. Времена, когда Россия не озиралась на иностранцев, а иностранцы озирались на Россию — с восхищением, почтением, страхом. Когда чужеземных гостей поражало благосостояние простых русских людей. А мудрые властители считали главным своим долгом обеспечить правду и справедливость для всех подданных.

Таким был, например, Иван Васильевич Грозный, заложивший основы православного «народного» царства, отстоявший его под ударами восточных завоевателей и западных держав, наметивший и распахнувший пути для расширения русских земель. Завершать начинания Грозного выпало другому царю — как ни парадоксально, носившему противоположное прозвище. Алексею Михайловичу Тишайшему. Он и в самом деле был Тишайшим. Но только до тех пор, пока никто не обидит русских и Православную Веру. А обидели — не взыщите, сами виноваты...

Мчались быстрые гонцы с царскими распоряжениями, открывались ворота богато украшенных городов. С барабанным боем и развернутыми знаменами маршировали полки стрельцов, расцвечивая дороги колоннами алых, синих, малиновых кафтанов. Горделиво вышагивали копытами великолепные лошади. Сверкая кирасами и шлемами, текли потоки государевой конницы. Молодецки гарцевали драгуны, рейтары, гусары, колыхались в строю и поблескивали на солнце начищенные стволы солдатских мушкетов. Содрогалась зем-

ля под повозками и лафетами мощной артиллерии. Русские неуждужимо наступали. С полей сражений, бросая оружие, бежали разгромленные польские армии. Горели и рушились шведские твердыни. Устилали трупами степь турецкие и татарские полчища. Меткие залпы отшвыривали прочь лавины китайцев и персов.

А под грозный рев пушек, под деловитый перестук топоров строителей, под благовест церковных колоколов и благодать молитв преобразовывалась и сама Русь. Воплощались пророчества о Третьем Риме, златоглавое Московское царство превращалось в несокрушимую и необозримую Российскую империю...

1. МИР И ЕВРОПЕЙСКОЕ ИГО

Какой народ родился не генетическим путем, от общих предков, не юридическим — по законодательным актам, а духовным? Наш с вами, русский. Родился в купели Крещения из десятков славянских, финских, балтских, угорских племен, из германских и тюркских добавок — все они, принимая Православие, становились русскими. Какая страна несколько раз умирала и воскресала? Наша с вами, Святая Русь. Она погибала в грязи раздоров, в ярости усобиц, в пожарищах иноземных нашествий. Она искупала грехи смирением и молитвами, жертвами и доблестью, воинскими и созидательными трудами, прошла через кровавое покаяние Куликова поля и множества безымянных подвигов. В XV—XVI вв. она вновь поднялась над Восточной Европой...

Хотя встать на ноги и укрепнуть ей было очень не просто. Ведь в это же время на юге наливалась могуществом Османская империя, раскинула владения от Алжира до Ирака, поглотила Балканы, Причерноморье, Крым, тянулась к Поволжью. Бурлил энергией и европейский Запад. Из феодального хаоса одна за другой возникали новоиспеченные державы — Франция, Испания, Англия. Римские папы одним росчерком пера делили земной шар, и в моря выплескивались хищные эскадры. Итальянцы монополизировали Средиземное море. Испанцы крушили древние цивилизации Америки, перехлестнули на Филиппины. Португальцы прибрали к рукам Бразилию, окружили петлей своих баз берега Африки, захватывали порты Аравии, Персии, Индии, Цейлон, Малакку, внедрились в Индонезии, Японии, Китае.

Началось повальное ограбление мира. В прежде нищую и темную Европу хлынули потоки богатств со всех континен-

тов. Рим торжествовал. Папы считали, что исполняется их давняя мечта о мировом владычестве, причисляли все новые страны в число подданных «святого престола». Но эти же потоки богатств меняли облик западных стран. Наступила эпоха Возрождения с разгулом роскоши, изысков, излишеств. Рушилась католическая мораль. Зашаталась и католическая церковь. Она и раньше имела слишком сильную «мирскую» составляющую — папы, архиепископы, епископы, выступали не столько духовными, сколько светскими властителями, а должности аббатов и священников оценивались только по размерам доходов. Соблазнов нового времени церковь не выдержала. Ее верхушка разлагалась, заражалась стяжательством и развратом.

Европейская знать откровенно отбрасывала стесняющие ее христианские ограничения. Иконы заменяли картинами голых венер и аполонов, евангельские истины — философскими умствованиями, магией, астрологией. А многих, наоборот, возмущало падение веры. Не заставили себя искать учителя, взявшиеся по-своему домысливать религиозные вопросы, и возникло несколько течений Реформации. Впрочем, проблемы веры оказывались при этом второстепенными. Выбирались те учения, которые казались выгоднее.

Кого-то вполне удовлетворяло, что католические священники за мзду отпускают любые грехи. Так почему же не сохранить католицизм? Лютер отвергал верховенство пап, монашество, церковную собственность — что ж, германские и скандинавские дворяне с энтузиазмом приняли лютеранство, расхватили церковные земли. Анабаптисты проповедовали: если не признавать церковную власть, то зачем признавать светскую? Этим увлеклись крестьяне, громили и грабили всех подряд. В Англии бабник Генрих VIII всего лишь хотел жениться и разводиться по своему усмотрению. Поэтому ввел англиканскую церковь, сохранившую все обряды католической, но подчиняющуюся не папе, а королю. А Кальвин поучал, что каждый человек, вне зависимости от его земных дел, заведомо определен Богом к спасению или осуждению. Отличить «избранных» от «неизбранных» очень просто: тех, кого полюбил Господь, Он отмечает богатством. Участь «неизбранных» — повиноваться им и работать на них. Да и власть должна принадлежать не королям, а советам «избранных».

Теории Кальвина очень понравились французским дворянам, они позволяли не повиноваться королю и бунтовать. Кальвинизм пришелся по душе и ростовщикам, купцам, банкирам. Они-то получались ох какими «избранными»! Особенно вольготно их каста устроилась в Нидерландах. Эта страна входила в состав Испании. Испанские дворяне захватывали колонии за океаном, погибали в боях, умирали от тропических лихорадок, но торговать и заниматься промыслами им категорически запрещалось. Их добыча перевозилась на голландских кораблях, продавалась на голландских рынках и утекала в кошельки голландских толстосумов. А когда они достаточно разжирили, то призадумались — нужны ли им испанский король, уплата церковной десятины и прочие помехи? Не лучше ли править самим как они сочтут нужным? Под знаменем кальвинизма Нидерланды восстали.

Но и католицизм не собирался сдавать позиции. Рим развернул Контрреформацию. Точнее — Католическую Реформу. По сути, она тоже стала разновидностью Реформации, вылившись в кардинальные преобразования церкви. Руководство занялось ее «лечением», исправлением нравов священнослужителей. Разрабатывались масштабные пропагандистские программы, на это нацеливались квалифицированные проповедники, литература, искусство, система просвещения. А наряду с «пряником» совершенствовался кнут. Была реорганизована инквизиция, введена жесточайшая цензура. Возник орден иезуитов — фактически первая в мире разветвленная спецслужба, раскинувшая щупальца на разные государства. Инакомыслящих тащили на пытки и казни, а по Европе запольхали религиозные войны.

В протестантском лагере оказались Швеция, Дания, Англия, Голландия, Венгрия, швейцарские кантоны, Германия разделилась на лютеранские и католические княжества. А главными защитниками католицизма объявили себя две ветви Габсбургов, испанские короли и германские императоры. Правда, и на международной арене религиозные противоречия становились не более чем поводом для чисто «мирского» соперничества. Например, во Франции удержался католицизм, но она издавна боролась за первенство с Габсбургами, поэтому приняла сторону протестантов [17].

Дрались за верховенство в Европе, полезли и на другие континенты. Если Испания с Португалией покоряли страны

и народы под предлогом обращения в христианство, прикрывались грамотами, полученными от римских пап, то их противники обходились без подобных формальностей. При чем тут христианство и папы, когда открылась возможность пожить? Англичане утвердились в Северной Америке и Суринаме, учредили Ост-Индскую компанию, ее корабли ринулись на восток. Британцы охотно помогли персам и индусам воевать с португальцами, а за это получили право открыть фактории в иранских городах, построить первые крепости в Индии. Хотя они далеко не всегда играли в друзей. В Китае англичане сочли, что удобнее действовать напролом. Бомбардировали из пушек приморские города, вынудили правительство открыть порты для торговли.

Нидерланды еще не завершили «освободительную» войну с испанцами, но собирали войска и корабли не для собственного освобождения, а для порабощения чужих земель. Голландские тузы тоже создали Ост-Индскую компанию, предоставив ей беспрецедентные права. Она имела свою армию, флот, получила право объявлять войны, приобретать территории, казнить и миловать. В общем, само государство превратилось в придаток компании. Ее директора входили в правительство, пользовались ресурсами всей страны, а в дела компании не мог вмешиваться никто. Голландцы активно взялись завоёвывать Индонезию, возникла сеть портов и крепостей на Яве, Суматре, Борнео. У португальцев отняли Малакку, ряд островов, часть Бразилии, заняли о. Тайвань.

Кроме Ост-Индской Нидерланды основали еще и Вест-Индскую компанию. Взялись прибирать «бесхозные» острова в Карибском море. Заинтересовались меховой торговлей с индейцами, которую вели англичане, и на Гудзоне появилась колония Новые Нидерланды с центром в Нью-Амстердаме (ныне Нью-Йорк). Франция застолбила владения севернее, в Канаде. Колониальной державой решила стать и Швеция, в Америке образовалась Новая Швеция на месте нынешнего штата Делавэр. «Легальные» захваты перемешивались с пиратством. Английские, французские, голландские «джентльмены удачи» свирепствовали на морях, устраивали базы, где получалось зацепиться.

Но и Рим не оставлял проектов мировой «католической империи». Военные операции широко дополнялись тайными. В католических странах папские уполномоченные пристраи-

вались советниками к королям и вельможам, направляя их политику. В протестантских государствах иезуиты вели подрывную работу, устраивали заговоры, неугодные деятели погибали от рук убийц. А в страны Африки и Азии отправлялись десанты проповедников, попутно с религией внушали преклонение перед европейцами, готовили почву для дальнейших завоеваний.

России в полной мере пришлось столкнуться с западной экспансией. Причем итог борьбы сперва выглядел однозначным. Наша страна была совсем небольшой и не такой уж могущественной, а врагов у нее хватало. От берегов Балтики на русские земли нацеливались Швеция и Ливонский орден, новгородцам и псковичам то и дело доводилось отражать их атаки. Сразу за Можайском начинались владения Литвы, а ее прочно подпирала Польша, оплот воинствующего католицизма. Пограничными городами были и Тула, Калуга, Рязань, за ними лежало Дикое поле, где хозяйничали крымские татары и ногайцы, подданные Османской империи. Поволжье принадлежало казанцам и астраханцам, союзникам крымцев и турок. Где уж тут было уцелеть Русскому государству?

Но оно уцелело. Великие князья Иван III и Василий III сплотили вокруг Москвы удельные осколки, сдержали напор татар и католиков. Граница с Литвой начала вдруг сдвигаться не на восток, а на запад, до Смоленска и Чернигова. А первый русский царь Иван Грозный поднял Россию в полный рост. Она сокрушила и присоединила Казанское и Астраханское ханства, в битве при Молодях наголову разнесла турок и крымцев, надолго отбила у Османской империи охоту наступать на север. Наоборот, теперь русские стали продвигаться на юг, строить гигантские оборонительные системы, Большую засечную черту от Алатыря на Ряжск, Орел, Новгород-Северский. Под ее прикрытием осваивались плодородные черноземные края, до сих пор лежавшие нетронутыми. От Астрахани русские ратники выдвинулись на Северный Кавказ, встали на Тереке. Подданными царя признали себя донские, запорожские, терские, яицкие казаки. Поморские моряки добрались за Урал, построили город Мангазею, а казаки Ермака одолели Сибирское ханство. Следом за ними двинулись новые воины, купцы, охотники, землепашцы. Государство прирастало новыми землями [130]...

2. РОССИЯ В ОКРУЖЕНИИ ВРАГОВ

Наша страна никогда не была изолированной от Европы. В Москве, Новгороде и других городах издревле гостили и торговали итальянцы, немцы, венгры, скандинавы, наезжали западные посольства [35, 90]. В XVI в. пожаловали и англичане с голландцами. Причем британцы, потерпевшие крушение в северных морях и спасенные русскими, объявляли, будто они «открыли» Россию — так же, как европейцы «открывали» Америку, Индию, Китай. Но держава Ивана Грозного была не настолько легкой добычей, как индонезийские или африканские султанаты, западным странам пришлось налаживать с ней нормальные взаимовыгодные отношения.

Царь Иван Васильевич повел войну за балтийские порты, чтобы русские сами смогли включиться в международную торговлю. Под ударами государевых войск обрушился Ливонский орден. Но вот тут-то против России общим фронтом выступила половина Европы — Литва, Польша, Швеция, Дания, Трансильвания, их поддержали германский император и папа. В арсенале Запада, кроме мечей и пушек, нашлось и другое оружие, пропагандистское: соблазны европейских «свобод», нравов, образа жизни. Это оружие было совсем не безопасным. Под чужеземное влияние попадала знать, бояре завидовали положению польских панов, сильная власть царя раздражала их. То и дело они изменяли, составляли заговоры.

Рим не только вдохновлял, но и деятельно организовывал антироссийскую коалицию. Папская агентура блестяще провела операцию по слиянию Литвы и Польши. В этих странах был общий монарх Сигизмунд II, но поляки избирали короля, а у литовцев корона передавалась по наследству. Сигизмунда опутали иезуиты, при нем невесть откуда вынырнул проходимец Юрий Мнишек. Этот тип сосредоточил усилия на том, чтобы овдовевший король не женился и не занял потомства, непрерывно поставлял ему на забаву самых симпатичных девиц. А когда Сигизмунд, истощенный чрезмерными удовольствиями, умер бездетным, польские магнаты заодно с католическим духовенством объединили два государства в одну республику, Речь Посполитую. Высокопоставленный иерарх иезуитов Антонио Поссевино посетил протестантскую

Швецию, добился обращения в католицизм короля Юхана и заключения союза с поляками.

Тот же Поссевино побывал и в России. Предполагалось, что поражения на фронтах вынудят Ивана Грозного к уступкам, он согласится подчинить папе Православную церковь. Но здесь папские эмиссары успеха не достигли. Наша страна выдержала массированное наступление западных держав, неприятели захлебнулись кровью под стенами русских крепостей. А на «заманчивые» предложения церковной унии Рим получил твердый и однозначный отказ. Ну что ж, не получилось обработать царя — враги пошли иным путем. Очередной заговор организовал приближенный Грозного Богдан Бельский, связанный с поляками, подключил государева родственника Бориса Годунова. Бельский ввел ко двору нового врача Иоганна Эйлофа, который, кстати, неоднократно общался с Поссевино и другими иезуитами [76, 130]. Иван Васильевич был отравлен.

Но и эти темные дела не принесли католикам ожидаемого результата. Годунов сам рвался к власти и избавился от Бельского, отправив его в ссылку. Царь Федор Иоаннович оказался таким же ревностным поборником Православия, как его отец, и Россия ничуть не ослабела, готова была дать отпор любым захватчикам. Тем не менее, Рим очень уж разохотился распространить свое влияние на всю Восточную Европу. Чтобы сокрушить русских, возник проект объединить Речь Посполитую еще и со Швецией. Короля Стефана Батория, как и Грозного, извели ядом, и протащили на польский престол шведского принца Сигизмунда III. Он целиком пел с голоса папских советников, на Украине, в Белоруссии и Литве развернулась бешеная атака на Православие. Удалось перекупить нескольких православных епископов, и в 1596 г. была принята Брестская уния.

Правда, польско-литовско-шведская сверхдержава так и не сложилась. Шведские протестанты не захотели терпеть над собой ярого католика и лишили Сигизмунда III своего престола. Зато как нельзя лучше удалась диверсия в России. Горючий материал для нее накопило правление Годунова. Был зарезан царевич Дмитрий, обрушились репрессии на аристократов, способных стать соперниками Бориса в борьбе за власть. Получив вожделенную корону, Годунов взялся за реформы по европейским образцам, закрепостил крестьян, за-

думал ликвидировать казачество. А родственники и клеветы нового царя пустились во все тяжкие, безоглядно хищничали. Тогда-то и появилась фигура Лжедмитрия.

Откуда? Достоверной информации об этом нет до сих пор. Но вокруг Самозванца обнаружилось те же самые личности, что и раньше были задействованы в тайных операциях Рима. «Первооткрывателем» и главным покровителем Лжедмитрия выступил не кто иной, как Юрий Мнишек. В свиту «царевича» вошла группа иезуитов — причем они заранее прошли солидную подготовку, свободно говорили по-русски и маскировались под православных священников. Когда отряды авантюриста вступили в Россию, в Италии было издано сочинение о «чудесном спасении царевича Дмитрия», в точности повторявшее легенду, которую рассказывал о себе он сам. Книгу мгновенно перевели с итальянского на немецкий, французский, испанский языки и латынь, распространяли большими тиражами, а автором являлся... все тот же Поссевино [50, 71]. А в Москве был организован переворот в пользу самозванца, и возглавил его еще один наш «знакомый», Богдан Бельский...

Народ был сбит с толку, видел в Лжедмитрии сына Ивана Грозного, продолжателя его политики. Следом за ним появились другие самозванцы и авантюристы, страна взорвалась Смутой. А уж дальше открылась дорога и для интервентов. Рухнули структуры государственной власти. Города и села превращались в пепелища, по разным оценкам, было уничтожено от четверти до трети населения. В Москве, Смоленске, Чернигове хозяйничали поляки, в Новгороде шведы, по разоренным уездам свободно разгуливали банды татар и просто разбойников. В Риме пышно праздновались польские победы над «еретиками», а при дворе Сигизмунда III открыто провозглашалось, что Россия должна стать «польским Новым Светом». Соответственно, русским людям отводилась судьба американских индейцев.

Однако праздновали слишком рано. Россия снова воскресла. Сохранилось Православие — оно и стало знаменем, собиравшим людей на борьбу. Высокую жизнеспособность показала система земского самоуправления, созданная в свое время Иваном Грозным, она смогла подменить государственные органы. Формировались рати, в 1612 г. они освободили Москву. На Земском Соборе наши предки сумели преодолеть

внутренний раздрай, отбросить все личные счеты и избрали на царство Михаила Федоровича Романова. Тяжелая война продолжалась еще 6 лет. Но противники постепенно выдыхались.

Первой согласилась мириться Швеция. Подсуетились англичане, их посол Джон Меррик выступил посредником в переговорах — отнюдь не бескорыстно, за дипломатические услуги он получил право беспошлинной торговли в русских городах. Но шведы вернули Новгород. Они удовлетворились, отобрав у России Карелию и земли, прилегающие к Неве, Финскому заливу и судоходной р. Нарове. Удовлетворились не из-за того, что малонаселенные леса и болота представляли особую ценность. Нет, Швеция видела выигрыш в том, что отрезала русских, своих основных конкурентов, от моря. А в 1618 г. удалось заключить Деулинское перемирие с поляками. За Речью Посполитой остались все области, которые она сумела захватить и удержать к окончанию войны — Смоленщина, Черниговщина, Северщина.

После 14 лет крови и хаоса Россия получила долгожданный мир. Фактическим властителем при молодом царе Михаиле стал его отец, мудрый и дальновидный патриарх Филарет. Под его руководством истерзанная страна выходила из разрухи, восстанавливала хозяйство, возрождала вооруженные силы. Филарет несколько лет находился в плену у поляков, и не понаслышке, а лично знал, что угроза с Запада никуда не исчезла. Его самого во время пребывания в неволе усиленно склоняли обратиться в унию. Филарет сумел схитрить — попросил, чтобы ему выделили лучших иезуитских преподавателей, разъяснили католическое богословие. Но от этих же «наставников» он собрал исчерпывающую информацию о замыслах католического руководства относительно России и Православия.

Перемирие с русскими поляки рассматривали только в качестве временной передышки, паны постоянно бряцали оружием, не признавали царем Михаила Федоровича, сохраняли царский титул за своим королевичем Владиславом. Решающая схватка была впереди, и Филарет готовился к ней. В Европе в это время заваривалась крутая каша. Чехия восстала против германского императора. Сразу сцепились между собой немецкие католики и протестанты, подключились Испания, Нидерланды, итальянские княжества, Венгрия, Франция,

Дания, Швеция. Грянула Тридцатилетняя война. Поляки в ней приняли сторону Габсбургов. Для России было вполне логичным поддерживать их врагов.

Филарет трезво оценивал возможности России. В сложившихся условиях возобновлять борьбу за выход к Балтике было бессмысленно. При тогдашних европейских порядках право на морскую торговлю требовалось подкреплять большим военным флотом, а строить его ослабленная страна все равно не могла. Поэтому патриарх взялся налаживать дружбу со шведским королем Густавом II Адольфом. Швеция стала первым государством, с которым Москва обменялась постоянными дипломатическими представительствами. А причины дружить были весомыми. Густав II Адольф был великолепным военачальником, создал лучшую в Европе армию. Громил немцев, датчан, испанцев, громил и поляков, отнял у них Ригу.

Патриарх тоже начал военную реформу. В апреле 1630 г. был издан указ о формировании полков «иноземного строя». За образец брались шведские войска, солдаты вооружались и обучались по шведским методикам, на должности офицеров и инструкторов приглашались иностранцы. Было образовано 10 таких полков — 6 солдатских, 2 рейтарских и 2 драгунских. Международная обстановка вроде бы обнадеживала. В Польше не прекращались гонения на Православие, украинские казаки и крестьяне поднимали восстания, присылали делегатов к царю, просили принять их в подданство. Филарет заключил союз с Турцией и секретное соглашение с Густавом II Адольфом: русские должны были ударить на Польшу с востока, а шведы с запада. А в 1632 г. умер Сигизмунд III, в Речи Посполитой настало «бескорольевье». Россия объявила ей войну...

Увы, расчеты не оправдались. Турция оказалась слишком ненадежным «другом». Вассал султана, крымский хан, получил щедрую плату от поляков и ударил не на них, а в спину русским, сорвав все планы. В Речи Посполитой избрали на трон королевича Владислава, а украинские казаки уважали его, связывали с ним надежды на улучшение своего положения, ожидаемых восстаний не последовало. В боях Тридцатилетней войны пал Густав II Адольф. Власть в Швеции перешла к регенту, канцлеру Оксеншерне, врагу России, и наступление на поляков с запада он отменил. А в октябре 1633 г. скончался Филарет. В Москве пошел разброд, управление нарушилось.

Король Владислав собрал все силы, окружил армию Шеина, осаждавшую Смоленск. После тяжелых боев она согласилась на почетную капитуляцию, остаткам воинов разрешили уйти, сдав врагу артиллерию и обозы. Но и поляки, пытаясь развивать наступление, потерпели серьезные поражения. 3 июня 1634 г. был заключен «вечный» Поляновский мир. Россия все же выиграла войну, хотя и с минимальными результатами. Владислав IV отказался от претензий на русский престол, признал Михаила Федоровича «царем и братом», Польша возвратила русским г. Серпейск с уездом. Но остальные утраченные земли остались под властью панов.

В мирные годы продолжилось бурное развитие и укрепление нашей державы. Первые крупные предприятия мануфактурного типа в России появились еще в XVI в., примерно в то же время, что и на Западе. А при Филарете развернулась настоящая промышленная революция — попозже, чем в Голландии и Англии, но намного раньше, чем во Франции, Испании, Польше. После смерти патриарха правительство возглавил один из его ближайших помощников, двоюродный брат царя Иван Борисович Черкасский. Полезные начинания не заглохли, а получили дальнейшую поддержку.

В Москве был реконструирован Пушечный двор, иностранцы называли его «литейным заводом... где льют много пушек и колоколов», были построены две «пороховых мельницы», новый Печатный двор. Расширялись казенные предприятия — Оружейная, Серебряная, Золотая палаты, ткацкая Хамовная изба, появилась шелковая мануфактура — Бархатный двор. В полной мере действовала частная инициатива русских купцов, дворян, монастырей, крестьян. По всей стране организовывались красильные и белильные мастерские, кирпичные заводы, кожевенные, поташные, суконные, ткацкие, солеваренные предприятия, судоверфи.

Речное судоходство на Руси вообще было очень интенсивным. Строились разные типы судов: челны (большие лодки), дощаники, насады, будары (грузовые баржи), струги — довольно крупные суда, достигавшие 30—35 т водоизмещения, были струги «с чердаки и чуланы» (с каютами и трюмами). В Холмогорах и Архангельске строились морские суда, кочи. А продукция здешних канатных дворов шла на экспорт, русскими канатами оснащались британские и голландские корабли. К подъему промышленности царская власть привле-

кала и иностранцев. Голландцы Марселис и Виниус получили лицензию на строительство Тульских «железоделательных» заводов, а итальянцы — Духанинского стекольного завода. В 1630-х гг. эти предприятия вошли в строй, стали выдавать продукцию.

Правительство Черкасского обратило внимание и на ошибки, проявившиеся в войне с поляками. В первую очередь они касались союза с Турцией. На него возлагались колоссальные надежды, а вместо пользы он обернулся бедствием. Как только царские войска ушли на запад, орды крымцев пожгли русские города, угнали множество пленных, на них пришлось перебрасывать все резервы. Словом, доверия такие «союзники» никак не заслуживали. Прежде, чем затевать новую схватку с Польшей, требовалось прочно прикрыть южные рубежи.

Михаил Федорович и его бояре обратились к опыту Ивана Грозного. Его Большая засечная черта показала высокую эффективность, но обветшала, валы оплыли от времени. Был принят смелый план не ремонтировать ее, а построить новую, Белгородскую черту на 200—400 км южнее, от Ахтырки на Белгород, Новый Оскол и Тамбов. На пути татарских набегов вставала мощная преграда, а Россия прирастала новой широкой полосой плодороднейшей земли. Там смогли бы поселиться крестьяне, росло производство зерна и доходы казны, царь получал возможность увеличить войско, наделить земель дворян, стрельцов, казаков.

Правда, в Москве понимали, что столь масштабное продвижение в Дикое поле в Крыму и Турции воспримут отнюдь не восторженно. Неизбежны столкновения, а то и война. Но Михаилу Федоровичу и Черкасскому неожиданно подыграли донские казаки. Они верно служили царю, хотя при этом сохраняли почти полную самостоятельность, жили по собственным законам. В 1637 г. у них вызрела идея захватить турецкий Азов. Государю стало об этом известно, но и правительство задумало сыграть тонко. Делало вид, будто ничего не знает о решении казаков, что они промышляют сами по себе, хотя тайно помогло им, прислало дополнительные боеприпасы, деньги, специалистов-минеров, позволило набирать добровольцев. Азов был взят, донцы провозгласили его «вольным христианским городом».

Четыре года крымцы и ногайцы напрягали все усилия, чтобы отбить его, в 1641 г. султан прислал 180-тысячную армию. Османы расвирепели и не собирались ограничиваться Азовом. Строили перспективы вообще оккупировать Дон, изгнать казаков, а потом развивать наступление на Астрахань и Казань. Но 6 тыс. казаков выдержали 4 месяца осады, 24 штурма и прогнали врага. Однако после перенесенных испытаний и донцы осознали, своими силами им город не удержать. Обратились к Михаилу Федоровичу, просили принять Азов «под государеву руку». На Дон поехала столичная комиссия, осмотрела крепость и выдала заключение — башни и стены совершенно разрушены, быстро восстановить их невозможно.

А царь созвал Земский Собор. Делегаты от разных городов и сословий взвесили все «за» и «против» и постановили: Азов в подданство не брать, но и казаков в обиду не давать. В 1642 г. к развалинам прибыла свежая турецкая армия. Казаки на этот раз не пытались отстоять их. Разрушили остатки укреплений и ушли. Но за то время, пока они отвлекали на себя крымцев и османов, по русским границам удалось беспрепятственно возвести цепь крепостей, между ними протянулись сплошные валы, рвы, засеки. А на Дон по решению Земского Собора были направлены воеводы с отрядами стрельцов. Великая река и ее притоки окончательно вошли в состав России.

Отношения с Турцией и Крымом после этого серьезно испортились. Но и со Швецией они стали совсем не блестящими. Победы на европейских фронтах кружили головы стокгольмским политикам. Канцлер Оксеншерна, правивший от лица малолетней королевы Христины, размышлял о создании обширной «Балтийской империи». Еще не выпутавшись из Тридцатилетней войны, шведы напали на Данию. Косились и на Русский Север, на новгородские земли, начались пограничные конфликты. А трения с турками и шведами чрезвычайно возбудили Польшу. Здесь образовалась скандальная антироссийская партия во главе с Иеремией Вишневецким. Шумела, что не признает Михаила Федоровича царем, не намерена считаться с мирными договорами, призывала к новому походу на Москву. Паны устроили провокацию, перебили крымское посольство, возвращавшееся из России. А польские

дипломаты в Стамбуле осаждали султана и великого визиря, предлагали союз.

Над Россией нависла угроза войны с целой коалицией агрессивных соседей. Государь и бояре наращивали оборону. Солдатские полки, созданные Филаретом, были сохранены, их разместили возле шведских границ, в Олонце и Старой Руссе. А кавалерийские части расположили на южных рубежах, только рейтарские полки преобразовали в драгунские — тяжелой бронированной коннице было трудно гоняться по степям за татарами. Но и крестьяне приграничных районов привыкли жить в условиях постоянной опасности, хорошо владели оружием. Из них было сформировано еще 4 драгунских полка.

Покойный патриарх Филарет стал автором не только военных и промышленных реформ. Он и его преемники в правительстве организовали отличную дипломатическую службу и разведку. В опасной ситуации 1640-х гг. она сыграла свою роль. В Молдавию был заслан молодой дворянин из Пскова Афанасий Ордин-Нащокин. Для видимости он поступил на службу к господарю Василию Лупулу, но имел секретные задания. Образованный и обходительный, он сумел добиться искренних симпатий господаря и молдавских бояр, склонил их к сотрудничеству с русскими, передал через них в Стамбул истинную информацию об убийстве крымских послов.

Среди православных подданных Османской империи и Польши Ордин-Нащокин навербовал агентов, через них досконально выяснил, что «партия войны» в Варшаве не так сильна, как хочет казаться, что паны всего лишь страшат русских и стремятся натравить на них Турцию, а сами рассчитывают остаться в стороне. Удалось разузнать и о том, что творится в Стамбуле — у султана Ибрагима Безумного и великого визиря положение шаткое, население недовольно, бунтует, янычары волнуются. «Цифирными письмами» (шифровкой) эти сведения пересылались в Москву, помогли выработать правильную линию.

В Варшаву поехало посольство Львова, в Стамбул — Милославского. Как с поляками, так и с турками русские заняли твердую позицию, не позволили взять себя «на пушку». Такой тон оказался вполне действенным. Поляки подергались-подергались и пошли на попятную, отказались от претензий на спорные территории, подтвердили обещание соблюдать ти-

тул царя. Да и великий визирь Мухаммед-паша смекнул, что Россия жертвовать Доном не намерена, а на Польшу надеяться нечего. Ну а еще одно поражение, как под Азовом, обошлось бы ему слишком дорого — запросто лишишься власти вместе с головой. Для марки поломался, поспорил и подписал договор о «мире и дружбе». Армию и флот Мухаммед-паша предпочел перебросить на другое направление — начал войну с Венецией, наметил отобрать у нее остров Крит.

Перевели на другое направление и Ордина-Нащокина — на западное. Его направили в родной Псков, поручили создать разведывательную сеть в Литве, Прибалтике, скандинавских странах. Швеция по-прежнему вела себя беспокойно, и Михаил Федорович решил несколько охладить ее воинственный пыл, заключить союз с Данией. Возникло даже предложение скрепить его браком, выдать царскую дочь Ирину за датского принца Вольдемара. В общем-то в этом не было ничего необычного, русские государи издревле вступали в родство с западными и византийскими властителями, при Иване Грозном и Годунове зарубежные королевичи считали за честь жениться на царских родственницах.

После Смуты авторитет России заметно упал, попытки Филарета сосватать за Михаила Федоровича датскую и бранденбургскую принцесс встретили высокомерный отказ. Но сейчас-то обстановка была иной. Наша страна опять вышла в число великих держав, а датчан шведы лупили в хвост и в гриву. Они с восторгом ухватились за русские предложения. Соглашались на любые условия, даже на то, чтобы их принца перекрестили в Православие. Вольдемар прибыл в Москву, был встречен с чрезвычайными почестями. Но произошло непредвиденное. Принц вдруг отрекся от всех договоренностей и наотрез отказался перекрещиваться. А браков с иноверцами русские законы не допускали.

Впрочем, религиозные воззрения Вольдемара не играли никакой роли. Перемены объяснялись тем, что вмешалась Франция. Спыхватилась, не желая упускать протестантские страны из-под своего влияния. Пока посольства ездили между Москвой и Копенгагеном, обсуждая женитьбу, французский кардинал Мазарини выступил в роли посредника и примирил Данию со шведами. А сейчас датчане панически боялись, как бы союз с русскими не рассердил Стокгольм, искали повод расстроить его.

Разумеется, союз-то расстроился, но вдобавок разразился международный скандал. Королевич требовал отправить его на родину. Но ведь о свадьбе было уже объявлено, по понятиям той эпохи отказ Вольдемара наносил страшное «бесчестье» царю, царевне и всему государству. Принца задержали в Москве, пытались нажимом и уговорами все-таки склонить к согласию. Он упирался, дело зашло в полный тупик. Датчане возмутились таким обращением с принцем, принялись угрожать. В Польше немедленно воспрянула партия Иеремии Вишневецкого, требовала вступить в союз с Данией и вместе с ней бить русских... Но распутывать эти проблемы Михаилу Федоровичу уже не довелось.

3. ГОСУДАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Царевич Алексей родился 19 марта 1629 г. Как велось на Руси, до пятилетнего возраста он воспитывался на «женской» половине дворца под опекой мамок и нянек, потом перешел на «мужскую». Обучением Алексея занимались боярин Стрешнев, дьяк Прокофьев, подьячий Львов. Мальчик получил прекрасное для своего времени образование, освоил чтение, письмо, географию, арифметику, историю, церковное пение. Много читал, уже в 10 лет его личная библиотечка насчитывала 13 томов — там была православная литература, вышедший при Филарете русский учебник, «Букварь» Василия Бурцева, изданные в Польше на русском языке «Грамматика» и «Космография». Позже эта библиотека непрерывно пополнялась.

А «дядькой» Алексея, руководившим его воспитанием, назначили боярина Бориса Ивановича Морозова. Он был одним из богатейших людей России, считался «западником». Охотно общался с иностранцами, обставлял свой дом по европейским образцам. Выписывал импортную мебель, книги, механические диковинки, украшал стены картинами голландских мастеров. Впрочем, в Москве в XVII в. жило и служило много чужеземцев, и «западничество» Морозова не представлялось чем-то предосудительным. Иначе разве назначили бы его воспитывать наследника? Боярин заказал и для царевича немецкий костюмчик, игрушечные доспехи европейского образца. Это тоже не считалось грехом.

Но импортные вещи, обычаи, взгляды не считались и идеалом, который надо непременно перенимать. Пользовались какими-то удобными предметами, и не более того. Наши предки отдавали себе отчет, что за границей своя жизнь, у русских своя. Само собой подразумевалось, что немецкое платье — лишь игра, маскарад. Алексею и в голову не пришло бы пойти в таком костюмчике на официальное торжество или в церковь. Ну а Морозов не только развлекал наследника, а учил его военному делу, основам дипломатии, русского права. Придумал специальные беседы — ставил те или иные вопросы и обсуждал их вместе с царевичем, добиваясь, чтобы он сам находил правильные ответы.

Алексей был умным, энергичным и здоровым юношей. Он, как и его отец, любил верховую езду, охоту. Вера царевича в Бога была глубокой и искренней. Другом его детства стал постельничий Федя Ртищев — он был на два года старше Алексея и рос вместе с ним. Современники называли Федора «священномудрым» и «евангельским» человеком. Он и впрямь был необычной личностью — не имел врагов, прощал любые обиды, был начисто лишен честолюбия и какой-либо корысти. Через Федора Алексей приглашал к себе странников, паломников в святые места, ученых священников и монахов, слушал их рассказы.

1 сентября 1643 г., на праздновании Нового года, Михаил Федорович официально объявил народу сына в качестве преемника. А с весны 1645 г. царь начал прихварывать. Тогдашняя медицина помочь ему не смогла, государю становилось все хуже. В ночь на 13 июля он отошел в мир иной. В его браке с Евдокией Стрешневой родилось 10 детей. Но пережили отца лишь Алексей и три его сестры. 16-летнему наследнику пришлось принимать на свои плечи всю тяжесть государственной власти, сложные структуры управления, огромную державу.

Даже полный титул, который отныне должен был носить Алексей Михайлович, был длинным и громоздким, расписывался на целую страницу: «Великий государь, царь и великий князь, всея России самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, и иных, го-